

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕЛОСТНОЙ ЛИЧНОСТИ: ОТ ТЕОРИИ К ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

Г. В. Болбас

УО МГПУ им. И. П. Шамякина

В контексте активно развивающихся интегративных процессов в сфере образования с новой силой и разнообразными акцентами актуализируется идея целостности личности. Ее рассматривают как стержневую, определяющую содержательно-целевое и методическое наполнение учебно-воспитательной деятельности в современном учебном заведении. Белорусские ученые утверждают, что «от того, насколько согласуется образовательный процесс с законами становления человеческой целостности, т.е. насколько он природосообразен, зависят реализация видовой сущности индивида, его укоренение в мире, счастье быть человеком» [1, с. 14]. При этом важно, что формирование целостной и гармоничной личности мыслится лишь при целостности и системности образовательных явлений и процессов.

Понятие целостности базируется на соотношениях целого и части, и наиболее частыми из них в педагогике являются:

- целое равно сумме своих частей;
- целое больше своих частей и качественно отличается от своих составляющих;
- часть больше целого.

В образовательной практике часто преобладает вариант суммативно-механического объединения процессов, определяемый подходом «целое равно сумме своих частей», который в меньшей степени характеризуется целостностью и системностью. Например, воспитательная деятельность в современной школе осуществляется в рамках различных направлений: экологического, нравственного, трудового, эстетического, правового, экономического воспитания. Подобная дифференциация считается возможной теоретически, с целью глубокого анализа компонентов системы, а на практике проведение мероприятий согласно представленным видам воспитания, не позволяет эффективно реализовывать задачу формирования целостной личности, так как нет целостности и единства между компонентами (направлениями) воспитания.

Данной проблемой были озадачены и ученые прошлых столетий и считали важным в ее решении организацию процесса формирования учащегося на основе интегрированных, холистических подходов. Особенно ценными являются мысли профессора Киево-Могилянской академии И. Гизеля о том, что если природа создает «одновременно целостность..., все части человека, а потом при помощи силы совершенствует их и развивает», то воспитание как искусственное явление «создает последовательно одну часть за другой» [2, с. 166].

Гуманитарные предметы и предметы художественно-эстетического цикла (музыкальное обучение, изобразительное искусство, мировая художественная культура) мыслимы часто как фон или средство обеспечения межпредметных связей, их возможности в формировании целостной личности недостаточно осмыслены. Устоявшееся с советских времен стремление сформировать сознательную личность предполагало воздействие прежде всего на сознание. Эмоционально-чувственная сфера ребенка оставалась неостребованной. Хотя еще во времена Античности музыке отводилась немаловажная роль, она входила в состав семи свободных наук, обязательных для изучения в школах Греции, Древнего Рима и средневековой Западной Европы. Добавим, что белорусский просветитель эпохи Возрождения Ф. Скорина говорил о многозначности и многофункциональности искусства. Особо выделяя музыку, жанр песнопений, он видел в способности через воздействие на

эмоциональную сферу личности вызывать не только эстетическое наслаждение, но и духовное обновление, нравственное очищение человека. Мыслитель связывал музыку со способностью «изгонять бесов», отвел ей роль «щита против бесовским ночным мечтанием и сътрахом», вследствие чего происходит «душевное и телесное uzdravlenie» [4, с. 170]. Таким образом, преобладающее воздействие на рациональную сферу личности и недогрузка эмоциональной, отсутствие их единства противоречат решению задачи формирования целостной личности. А желание опредметить знание искусства на начальных этапах знакомства с ним, выразить его в понятиях «нота», «ключ», «ритм», «интервал», и т.д. не только не способствует зарождению интереса к музыке, а наоборот, гасит его в самом начале, лишает музыку потенциала эстетического и духовно-нравственного очищения и обновления.

Формирование целостной личности немислимо без целостности процессов воспитания и обучения. Фраза о том, что воспитывая мы обучаем, а обучая воспитываем, стала хрестоматийной. При этом некоторые попытки по насыщению содержания учебных предметов воспитывающим потенциалом часто приводят к нецелесообразным решениям. Общеизвестное убеждение о воспитывающем ресурсе гуманитарного знания и недостатке такового в точных науках влечет за собой неоправданное использование межпредметных связей, подменяющих собой интегративную целостность. Так, вычисление даты рождения С. Есенина путем решения тригонометрических выражений не только не «одухотворяет» урок алгебры, а, наоборот, разрушает воспитывающие возможности двух предметов.

Знание должно приносить эстетическое удовольствие, удовлетворение, способствовать культуре мышления, чувств, что является неотъемлемой частью опыта формирования ценностных ориентаций и опыта познания. При этом подобное воспитывающее воздействие становится скрытым, а не назидательным. В математике есть своя эстетика и радуется, что некоторые творческие учителя находят ее. «Красота геометрических задач», «Пропорция и гармония мира», «Приключение Алгебры в стране Геометрия», «Золотое сечение – гармоническая пропорция», «Смысловая выразительность числа», «Математические притчи» – достойные темы исследовательских работ и проектов, доказывающие, что воспитывать математикой можно и для этого она имеет собственный богатейший ресурс.

Следующим условием реализации идеи целостности личности является единство воспитания и обучения с жизнью. Эффективность и многосторонность воспитательного эффекта обусловлены уровнем настоящей включенности ребенка во все сферы деятельности в конкретном природном и общественном окружении. Важно создавать для воспитанников ситуации, в которых они могут проявить чувства любви и милосердия, проводить мероприятия, в которых у них будет возможность делать, а не пассивно слушать на классном часе о благородстве, добре и справедливости. Необходимо, чтобы учебный материал был значим для учащегося, не лишен выхода в настоящую жизнь, был познаваем им непосредственно. И такой опыт уже есть в сокровищнице истории отечественной педагогики. Так, в Слуцкой школе (XVII в.) отдых воспитанников на природе был сопряжен с изучением ими различных растений, определением названий и распределением по видам, что способствовало наряду с индивидуализацией способов познания, непосредственному взаимодействию учащихся с изучаемыми предметами и явлениями, а значит более эффективному и прочному усвоению знаний.

Наиболее важной мыслью является то, что формирование целостной личности не должно являться самоцелью. Данный процесс значим в том случае, если это делает ребенка счастливым и придает смысл его жизнедеятельности. Русский религиозный философ, богослов, культуролог и педагог В.В. Зеньковский считал, что «отношение к

проблеме становления личности, гармоническому или иерархическому развитию личностных сил, проблеме периферийности воспитания, задаче соединения свободы и добра в душе ребенка требует постановки вопроса о смысле воспитания и определения тех основ, которые позволят найти правильное решение» [3, с. 94].

Таким образом, реализация актуальной на сегодняшний день идеи формирования целостной личности в практике современного образовательного учреждения сопровождается рядом проблем, обусловленных преимущественно несоответствием цели воспитания ее содержательно-организационному и методическому обеспечению.

Список использованной литературы

1. Гавриловец, К.В. Целостность человека как педагогическая категория / К. В. Гавриловец, Т. Е. Титовец // Педагогика. – 2007. – № 10. – С. 13–20.
2. Гизель, И. Сочинение о всей философии / И. Гизель // Стратий, Я.М. Проблемы натурфилософии в философской мысли Украины XVII в. / Я.М. Стратий. – Киев: Наук. думка, 1981. – С. 145–196.
3. Любан, Т.П. В.В. Зеньковский о смысле и целях воспитания / Т. П. Любан // Педагогика. – 2008. – № 2. – С. 90–98.
4. Францыск Скарына і яго час: энцыкл. давед. / рэдкал. І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1988. – 608 с.